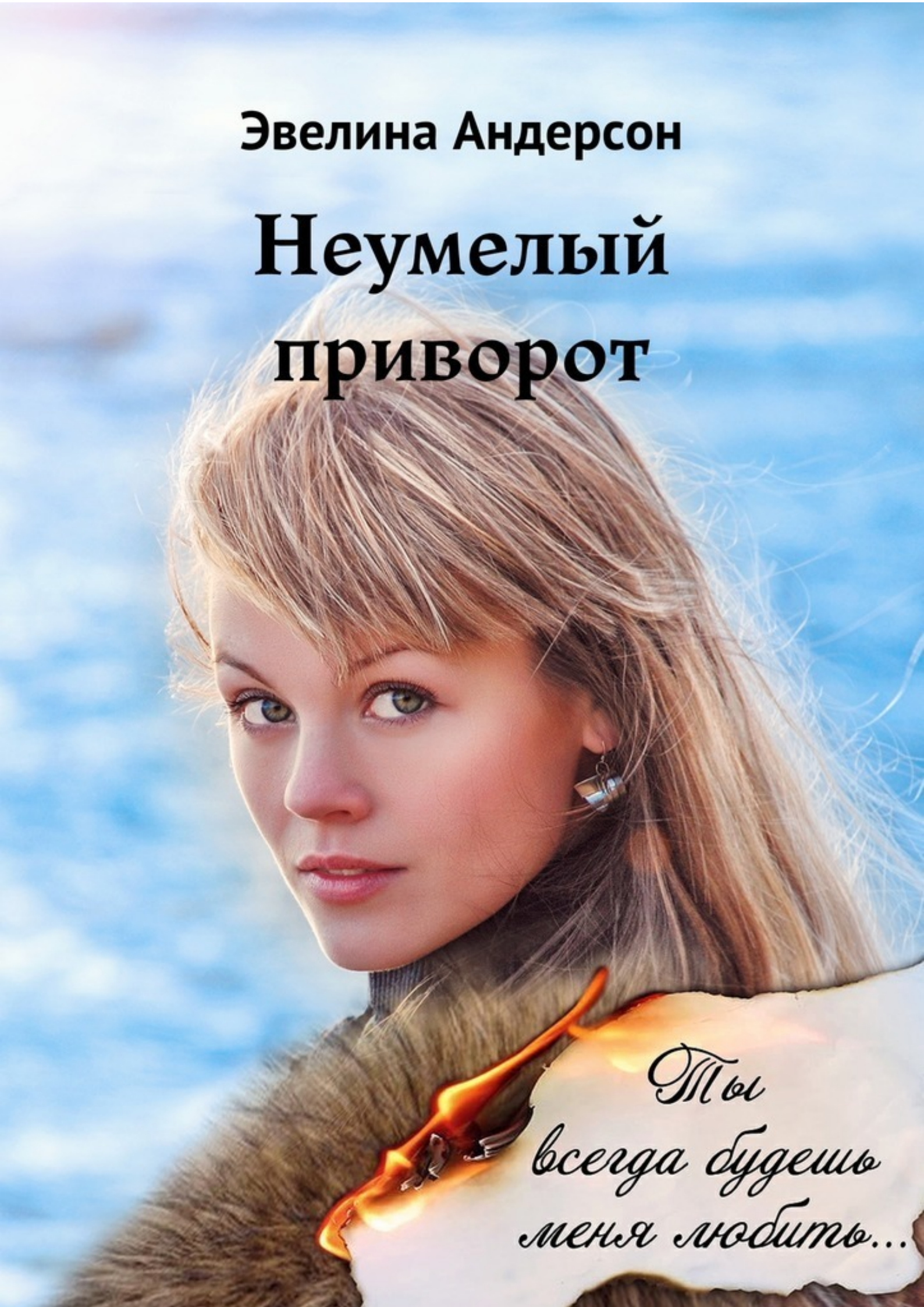

Эвелина Андерсон

Неумелый приворот

Ты
всегда будешь
меня любить...

Эвелина Андерсон

**Неумелый приворот. Где нет
любви, там магия бессильна...**

«Издательские решения»

Андерсон Э.

Неумелый приворот. Где нет любви, там магия бессильна... /
Э. Андерсон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852464-6

Автобиографический роман и стихотворный дневник о первой любви. Зимним утром взбалмошная Ксения встречается красавца Егора и влюбляется. Первая любовь так желанна, что Ксюша совершает шуточный приворот. Она пишет на листке фразу: «Ты всегда будешь меня любить» и сжигает с локоном волос Егора. Неумелый приворот меняет их судьбы и влечет за собой необычные последствия. Борьба за призрачное счастье или оставить все в прошлом? Любит Егор или вынужден любить? И как понять, когда нужно отпустить...

ISBN 978-5-44-852464-6

© Андерсон Э.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Неумелый приворот Где нет любви, там магия бессильна...

Эвелина Андерсон

Редактор Анна Чебан

Иллюстратор Евгения Веселкова

Фотограф Настасья Моисеева

© Эвелина Андерсон, 2017

© Евгения Веселкова, иллюстрации, 2017

© Настасья Моисеева, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-2464-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить свое сердце...
Антуан де Сент-Экзюпери

На дворе стояла обычная декабрьская суббота. Зимнее солнце весело светило в окно, играя морозными узорами на стекле и так переливаясь всеми красками, что от этого блеска слепило глаза. Мы с младшей сестрой уютно прижимались к маме на большой кровати и весело щебетали.

– Мам, а какие у вас мальчики? – я проявляла любопытство, свойственное большинству четырнадцатилетних девчонок.

– Мальчики? Да обычные, как везде.

– А есть симпатичные? – я не отставала.

– На вкус и цвет фломастеры разные, знаешь такую шутку?

– Да я понимаю, но, вот, есть такие, чтоб всем нравились?

– Чтобы всем без исключения – таких нет. Есть, правда, один мальчик, чья популярность довольно высока.

Моя мама работает воспитателем старших отрядов в детском лагере. Ее обожают все ребята, потому что она самая замечательная, справедливая, добрая и позволяет иногда чаевничать в святая святых – комнате отдыха персонала, конечно, в ее присутствии.

– А он красивый? А как его зовут? – Лизе тоже стало интересно.

– Зовут Егором, а понятия о красоте у каждого свои. Темные волосы, карие глаза, курносый нос – девочкам нравится. Не исключено, что его обаяние заключается в умении играть на гитаре и петь. Кстати, у Егора довольно интересный голос, я такой еще не встречала у мальчишек его возраста.

– Интересный – это какой? – сестра продолжала пытаться маму.

– Не знаю даже, как вам объяснить... Такой бархатистый баритон.

Лиза закивала головой, как будто что-то в этом понимала. Мне даже стало смешно, потому что сама я понятия не имела, как должен звучать «бархатистый баритон». Но взглянуть на этого супер-популярного парня не отказалась бы, поэтому на всякий случай поинтересовалась:

– А фото у тебя нет?

Мама задумалась на мгновение, потом встала и вынула из шкафа небольшой фотоальбом.

– Та-а-ак... где-то мы тут делали групповые снимки осенью, он должен на них быть. А, вот, нашла! – с этими словами она вернулась и положила перед нами фотографию с изображением шести мальчиков во главе с ней самой, ткнув указательным пальцем в одного из ребят:

– Это Егор.

Мы с Лизой подскочили и склонились над снимком.

– Ой, правда, красавчик! – взвизгнула сестра и даже хлопнула в ладошки.

Я разглядывала парня и не понимала, чего же в нем такого особенного, может, и правда дело в его волшебном голосе? На меня лично никакого впечатления этот Егор не произвел: огромная, черная как смоль, челка закрывала половину лица; хитро смотрел сощуренный на солнце глаз; рот растянулся не то в улыбке, не то в усмешке. Мы, как говорится, красивее видали!

Так уж получилось, что мой круг общения состоял преимущественно из парней, и в нашей компании имелись ребята на любой вкус. А я была «неправильная девочка» – платья не носила, плакатами любимых кумиров стены комнаты не обклеивала, любовью, и тем более

какими-то там отношениями, не интересовалась. Так, встречалась пару раз с кем-то, принимая ухаживания, одобренные шоколадками и разбавленные поцелуями. Но о каком-то большом и светлом чувстве речи не шло – рядовое любопытство и ничего более.

Вообще, если задуматься, иногда создавалось впечатление, что меня попросту подбросили в эту интеллигентную семью, где мама – педагог, папа – стоматолог, сестра – ученица младших классов международного лицея. И только Ксюша учится в обычной школе. А почему? А все потому, что когда я пошла в первый класс, в радиусе нескольких десятков километров не было ни одного навороченного учебного заведения. При появившейся возможности перевестись в лицей к младшей сестре, я вдруг взбунтовалась и уперлась «рогом в стену», наотрез отказавшись покидать привычную обстановку и свою чокнутую одноклассницу Софию, с которой мы, образно выражаясь, «срослись душами».

К восьмому классу меня и вовсе настиг кризис переходного возраста, и я завела дружбу с целой компанией старших парней, втянув туда же свою Софу. С тех самых пор девочка Ксюша из приличной семьи начала бегать по крышам высоток, исследовать подвалы и знакомиться с алкоголем. В общем, в семье не без «такого родственника».

– А я могу с ним подружиться? – прервал мои размышления тоненький голосок сестры.

– Лизка, дурёха! – я дернула ее за косичку. – Тебе всего одиннадцать, куда лезешь?!

Сестра обиженно надула щеки, но уже через мгновение мы помирились, и отправились на кухню пить чай.

Прошла неделя, приближались выходные, в которые у папы в больнице намечалась ночная смена. В эти же дни маме выпадало дежурство в лагере, поэтому она приняла решение взять меня и Лизу с собой.

Ранним морозным утром мы втроем ехали в электричке, стуча от холода зубами. Поездка в час и сорок минут в неотапливаемом вагоне основательно испортила нам настроение. Но едва мы ступили на перрон, как зимнее волшебство очаровало наши с Лизой детские души, и все раздражение вмиг улетучилось.

За городом светило солнце, снег переливался и искрил, в предновогоднем воздухе трещал мороз. Каждая веточка, каждая иголочка покрылась инеем, отчего казалось, будто кто-то разлил повсюду белую краску. И от этой нестерпимой девственной белизны невозможно слепило глаза, наполняя легкие свежестью и чистотой. Через несколько минут каждая волосинка на наших лицах – брови, ресницы, челки – все покрылось инеем. Мы стали похожи на маленьких Снегурочек!

Быстрее быстрого мы добрались до лагеря и, оказавшись в теплой комнате персонала, разомлели... Горячий чай с пряниками вернул хорошее настроение, и во мне пробудилось любопытство. Пока мама с Лизой отогревались, я отправилась изучать обстановку.

Медленно двигаясь по коридору, я рассматривала информационные стенды и заглядывала в палаты. Детей не было – время завтрака. И вдруг послышался дикий топот, как будто взбесившийся табун лошадей вырвался из загона. Галдящая волна хлынула из столовой в палаты. Невероятно, как в этом маленьком коридоре поместилась такая толпа детей! Его я увидела сразу, потому что такого парня просто невозможно не заметить – эти волосы, цвета воронова крыла, небрежно спадающая на глаз челка, маленькое серебристое колечко, поблескивающее в мочке левого уха, этот бархатный, пробирающий до самых глубин души голос, разносящийся по коридору... Как же сильно отличается оригинал от фотоснимка, какое впечатление исходит от этого человека!

Он увидел меня, прищурил янтарные глаза и спросил:

– Новенькая?

Мысли путались в голове, я еще не могла понять, что со мной происходит.

– Нет, я дочка Вероники Георгиевны – Ксюша. Просто в гости приехала.

– Ксюша? В гости? Это хорошо.

И он расслабленной походкой направился в палату, из которой через несколько минут донеслись звуки гитары и тихое пение.

В мозгу заметались мысли: «Боже... Что же это? Как такое возможно? Разве бывает, что живешь себе спокойно почти до пятнадцати лет, а потом вдруг, бах! – и ноги ватные, сердце выпрыгивает, в горле пересохло?!» Я тряхнула головой, словно сбрасывая наваждение, и пошла к маме.

Спали мы втроем в комнате персонала, благо там было два дивана – поменьше для мамы, побольше – нам с сестрой. Ну, как «спали» – мама с Лизой отрубались за несколько минут, а я раз за разом прокручивала в памяти нашу встречу с Егором, его голос, его слова, взгляд... Всего несколько ничего не значащих фраз, но сердце сладко замирало при воспоминаниях о его чарующем тембре. Уснула только под утро, когда за окном уже стало светать.

Так началась история первой любви. Если бы я только знала, чем она обернется в моей жизни.

II

Прошло две недели, в течение которых я не находила себе места и придумывала способы снова увидеть этого парня, а еще лучше – познакомиться.

Мои бесконечные гулянки по чердакам и подвалам, которые неизменно сопровождались распитием алкоголя и нецензурными словечками, значительно сократились. Захотелось стать хорошей и правильной, потому что только таким девочкам добрый Дедушка Мороз дарит лучших мальчиков. Для меня же, самым желанным подарком, несомненно, стал бы Егор.

Новогодние праздники пролетели, как один день. Первый раз в жизни я не придала особого значения этому событию, поскольку все мои мысли занимал только один вопрос – как снова увидеть Егора?

Наконец, маме снова выпало дежурство на выходные. Это был отличный шанс, который я просто не имела права упустить. Само собой, вечером я вцепилась в эту идею обеими руками.

– Мамочка, можно я поеду с тобой? – несмотря на то, что я говорила спокойно, глаза предательски блеснули.

– Так папа же дома, зачем тебе тащиться? – мама удивленно подняла брови.

– Просто. Хочется на природу, я же не помешаю.

– Просто? – прищурившись, мама посмотрела на меня с улыбкой, словно о чем-то догадывалась. – Хорошо, поехали. Но, имей в виду, вставать рано.

– Не вопрос.

Вечером я долго и придирчиво выбирала гардероб. Хотя, из чего можно было выбрать – потертые джинсы и бесформенный свитер – я не относилась к шмоточницам. Миссия спасения ситуации отводилась любимым духам, моему тайному оружию – тонкий цветочный шлейф, такой нежный и юный аромат, щедро врученный лучшей подругой мне на день рождения. Главное, ничего не забыть – расческа, блеск для губ, мятное драже для свежести дыхания – все эти мелочи, по моему мнению, являлись неперенными атрибутами юной особы, задумавшей охмурить самого желанного парня лагеря.

Почти два часа в электричке уже не кажутся такими мучительными, ведь я еду к нему. Увижу, а может, даже прикоснусь...

Добравшись до места, мне пришлось долго отогреваться – замороженные ноги и руки ужасно чесались, щеки и нос так покраснели, что я стала похожа на смешную советскую матрешку. Забравшись с ногами на диван, я укуталась в плед и слушала музыку по радио. Вдруг в дверь тихонько постучали.

– Войдите!

– Ой, Здравствуйте, а Вероники Георгиевны нет?

– Нет, мама на втором этаже.

– А тебе тут одной не скучно?

Я молчала, восстанавливая внезапно сбившееся дыхание. Ведь мне с первого звука стало ясно, кто стучит в дверь, иначе как объяснить зашедшееся сердце? Чувствовала!

В дверном проеме маячила знакомая, и уже до боли родная голова с лукавыми карими глазами, озорной улыбкой и курносый нос. Егор! Конечно, только он мог так спокойно прийти к маме на чай, зная, что она его не прогонит.

– Мне не скучно, я слушаю музыку! – Мой голос прозвучал резче, чем хотелось бы.

– Давай вместе слушать.

Тут показалась еще одна голова.

– Егор! Ну, ты чё там?

– Отвали, Горына, я с девушкой беседую!

В комнату шагнул смешной вихрастый и плечистый парень.

– Я Пашка, а это – вихрастый указал на внезапно материализовавшегося рядом веснушчатого голубоглазого брюнета – это Дрон, ну тобишь Андрей. Мы вообще за Егором.

Парни устроили такой галдеж, что я невольно начала раздражаться и попросила их подождать в коридоре. Егор посмотрел на меня, хитро улыбнулся и сказал:

– Только если ты составишь нам компанию.

И я согласилась. С его друзьями, этими смешными мальчишками, мне стало как-то проще, легче дышать рядом с Егором.

Весь день ребята меня развлекали – мы поиграли в теннис, в карты, Егор с Андреем наперебой бренчали на гитаре и научили меня паре аккордов из гранджерской группы «Nirvana».

Вечером, ужиная с мамой жареной картошкой, я рассказывала о новых знакомых, стараясь как можно меньше заострять внимание на том, ради кого я сюда приехала.

– И как тебе Кри-Кри?

– Кто?

– Егора так прозвали девчонки за внешнее сходство с героем какого-то сериала.

– Ничего, обычный... – конечно, я хитрила, боясь пока признаться даже самой себе в этих неожиданных чувствах.

– А Павел с Андреем?

– Прикольные, такие веселые! Я с них уржалась, особенно Андрюха – такой хохмач, просто умора! – об этих двоих я говорила с легкостью. – Мам, а почему у Пашки такое прозвище?

– Ходит легенда, – мама сделала страшные глаза, и я прыснула со смеху, – что однажды он курил за школой и дым пошел у него из ноздрей и ушей. С тех пор и приклеилась к нему кличка «Горыныч».

– Забавно. Он не рассказывал, хотя, я ж и не спрашивала.

Мама вдруг взглянула на меня и в ее глазах заплясали озорные огоньки.

– Слушай, Ксюша, а давай вечером сходим погулять, после отбоя? Ведь сегодня Новый год по старому календарю.

– Давай. Это будет здорово!

Перед сном я решила пожелать ребятам спокойной ночи. Их седьмая палата была единственной в этом крыле. Скользнув неслышной тенью в мальчишескую комнату, я шепотом произнесла в темноту:

– Мальчики, я пришла пожелать вам доброй ночи и сладких снов.

С кровати возле двери раздался смешливый голос, похоже, Пашин:

– А поцеловать? Мама всегда меня целует перед сном.

Не знаю, что мной двигало – обычный азарт или возможность столь интимного жеста по отношению к Егору, но согласие было мгновенным. Мягкий свет коридорных ламп тонкой полоской пробивался в дверную щель, золотой нитью разрезая пространство на две части ровно по центру; за окном лежала густая темнота, не позволяя различить даже силуэты обитателей палаты. Я сделала шаг в сторону голоса, наклонилась и чмокнула теплую щеку. Со всех сторон послышался шум:

– И меня!

– И меня на ночь!

– И я не усну без поцелуя!

Я шла от кровати к кровати, легко чмокая подставленные мальчишеские щеки. Глаза постепенно привыкали к темноте и, когда я подошла к Егору, смогла довольно четко рассмотреть его лицо, на котором слишком ярко сияли глаза, и в которых я тут же растворилась. Сердце забилося, как сумасшедшее, и внезапно показалось, что все в этой палате слышат этот стук. Наклонившись, я прикоснулась губами к теплой щеке. Все тело пронзила неожиданная сладкая

дрожь, приятная волна прокатилась от макушки до пяток, и до меня не сразу дошло, что он держит мое запястье, перебирая пальцами тонкий браслет. Смущенно, словно испугавшись, я одернула руку и вопросительно посмотрела на него. Молчаливым ответом стала легкая улыбка краешком губ и самоуверенный взгляд. Неужели он знает, черт побери, какие эмоции будит во мне? Надо немедленно убираться отсюда!

– Все, мальчики, спокойной ночи.

Ноги стремительно понесли меня в комнату к маме. Быстро одевшись, я выбежала во двор, крикнув на ходу:

– Мам, я на улице подожду!

Снег лежал пушистыми шапками на деревьях, скрипел под ногами, переливаясь в свете фонаря, освещавшего крыльцо и небольшую аллею. Я стояла и жадно втягивала ноздрями морозный воздух, пытаясь утихомирить рвущееся из груди сердце, хоть как-то восстановить сбившееся дыхание. Казалось, время замерло. Плавно парящие надо мной снежинки кружили голову, вытесняя оттуда все мысли.

Наконец вышла мама, а за ней... Не может быть! Прямо за ней гуськом на крыльцо вышли Андрей, Паша и Егор! Мои щеки снова запылали, губы загорели. Да что же это происходит со мной? И, кстати, как они так быстро успели одеться?

– Я взяла мальчишек, уж очень они умоляли. Ты не против? Новый год все-таки, хоть и старей, – мама улыбнулась своей шутке.

«Мама, мама... Разве я могу быть против? Знала бы ты...»

Мои раздумья прервал снежок в спину, потом еще один в голову. Ах, та-а-ак?! Ребята хотят войны, и они ее получат! Забыв, что должна быть примерной девочкой хотя бы на глазах моей родительницы, с визгом: «Ну, погоди!», я бросилась за Андреем. Мама с Егором и Пашей, которые не спешили присоединяться, остались стоять в стороне. Мы вдвоем носились как ненормальные, с ног до головы облепленные снежными комьями.

А между тем, позади нас происходил какой-то разговор, после которого Егор схватил огромный снежок и бросился за нами. Паша не отставал и залепил холодным белым шаром прямо Андрею в голову. Пока мальчишки чинили разборки, Егор подбежал ко мне и повалил в снег, удобно примостившись сверху.

– У тебя очень красивая улыбка, но ты такая мокрая – с этими словами он стал вынимать кусочки снега из моих волос, касаясь холодной ладонью лица. Как жаром обдали меня эти случайные (или же специальные?) прикосновения, и я поспешила скрыть свои чувства, с неимоверным усилием перевернув его на лопатки.

Набегавшись и навеселившись, мокрые, но довольные, мы вернулись в корпус и собрались расходиться.

– А спокойной ночи? – весело крикнул Андрей.

– Добавки не будет, ложитесь спать, – улыбнулась я.

Мама, разумеется, окончательно все поняла по моему лицу. Подойдя, она присела рядышком на диван и спросила:

– Знаешь, о чем мы говорили с ребятами, пока вы с Андреем топтали снег?

– Понятия не имею, – я абсолютно искренне удивилась.

– Я спросила, почему они не участвуют в снежной битве, а Егор уверенно ответил: «Так, Ксюше, вроде ж, Андрей нравится». Тогда я предположила, что он, с большей долей вероятности, ошибается. Два озадаченных лица на минуту замерли, а потом Егор сказал, набрав полные ладони снега: «Ну, тогда, друг, извини. В любви каждый сам за себя!»

– В любви? – автоматически переспросила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.